

□Рассвет нового дня и беспробудные сны I□

Во сне.

Дует ветер.

Дует ветер.

Бу-у-уш, сву-у-уш, всё тает вместе:

Звёзды, высокие-высокие здания, а вместе с ними и сонные жители города.

XX

Даже в мире сна девочка продолжала спать.

Она спала, потому что стемнело. Она спала, потому что хотела спать.

Таково было её скромное желание.

И поэтому...

— ...

— ...

Её защитник просто действовал так, чтобы и дальше исполнять его.

Чтобы погасить ослепительные огни, нарушавшие покой девочки.

Чтобы унять шумный ветер, угрожавший её избавлению.

XX

Во ____.

Голос.

Голос начал достигать ушей дремлющих «наблюдателей».

— Такой, как ты, поведает историю моей любви и ненависти?

Чей это был голос?

Он был резким и в то же время дрожал от пламенного негодования. Каждый его звук морозил воздух и, казалось, предвещал трагедию.

«Наблюдатели» узнали другой голос, который раздался вслед за первым.

— Хорошо. По рукам. Я немного обыграю твою месть и сделаю из неё роман. Я расскажу о тебе всему Парижу. Нет, всему миру.

Этот голос принадлежал Слуге, который дал им силу сражаться, Александру Дюма.

Вслед за голосом пришёл неясный образ.

«Наблюдатели» увидели мужчину в чёрном, приставившего острую вилку к горлу Дюма.

Вероятно, это было какое-то сражение.

Его отец был генералом, но для себя Дюма избрал совсем иной путь. Однако сейчас он стоял перед достойным противником. И заговорив с ним, поставил на кон собственную жизнь.

— Каждый получает хотя бы чуточку любви и ненависти. Даже у ребёнка найдётся связанная с ними история. Но кто может поведать твою историю любви и ненависти, Эдмон Дантес, «Граф Монте-Кристо»?.. Я могу. Только я, мститель. Чем твоё недовольство тем, что у тебя украли целую жизнь, отличается от обиды мальчика на младшего брата, который взял его конфеты? Разумеется, кое-чем отличается! Но ты не из тех, кто в состоянии рассказать об этом наиболее ярко и драматично. Ты можешь тронуть сердца тысяч, миллионов людей? А я могу! Для этого и нужно моё перо! Или, если сказать иначе, ты уже поведал о себе миллионам людей! Да, на бумаге твою историю запечатлеет моё перо, но это ты показал мне свою жизнь!

Несмотря на приставленную к горлу вилку, Дюма встал с места во время своей речи. Говорил он громко, подобно суровому командиру, обращавшемуся к своим солдатам.

— ...

Последовало недолгое молчание.

Человек в чёрном невыразительно смотрел на Дюма, но в итоге опустил вилку, всем своим естеством излучая отвращение, и чуть ли не плюнул в ответ:

— Я не ищу компенсации, но твоя «сделка» едва ли разумна.

— О, будет тебе компенсация, — ответил Дюма, пожав плечами и скривив губы в широкой улыбке. — Я сделаю тебя знаменитостью.

Затем он широко распростёр руки и с блеском в глазах, словно у ребёнка, описывающего свои планы на будущее, начал излагать человеку в чёрном своё видение романа:

— Мой герой будет идти по дороге возмездия, вымощенной ярко-красной кровью и чёрной ненавистью, но все будут только рады, потому что в этом и заключается красота мести. Я сделаю так, что в ближайшие тысячу лет каждый человек во Франции при упоминании слова «мститель» будет думать о тебе.

«Наблюдатели» наконец осознали, что Дюма вёл переговоры.

И что человек в чёрном, наверное, был прообразом персонажа в произведении Дюма.

Некоторые начитанные «наблюдатели» поняли, кем был этот человек, но не могли избавиться от сомнений: «Он ведь не мог существовать на самом деле?»

— Это придаст твоей мести полноту. Ты был оболган обществом, забыт всеми и брошен миром. Но впервые люди поймут, что ты был прав.

— Прав?.. Думаешь, я хочу этого?

— Пусть не для тебя... но для людей, которые были связаны с тобой, это может стать избавлением.

После этих слов человек в чёрном вновь погрузился в молчание. После чего медленно покачал головой.

— Делай, что хочешь.

— Ты не против?

— Человека по имени Эдмон Дантес больше не существует. Осталась лишь злоба, которая продолжает мелькать где-то на границе любви и ненависти.

Несмотря на столь философский взгляд на ситуацию, в которой он оказался, голос мужчины, казалось, всё ещё горел сумрачным огнём.

Дюма вновь поводит в воздухе своим бокалом вина с намёком на одиночество:

— Значит, ты отрекаешься от Эдмона Дантеса.

— Это имя человека, который должен был сгинуть в замке Иф.

— Твой плащ подобен чёрному огню. Ты хочешь рано или поздно спалить себя? Или... ты уже это сделал? Как и чёрный тюльпан, это зрелище наверняка всколыхнуло бы сердца людей. Не думал отступить, пока от тебя только кучка пепла не осталась?

«Наблюдатели» были в замешательстве.

Дюма говорил так, будто одобрял месть. Почему он пытался отговорить Дантеса?

— Да, верно. Тебя ждёт лишь ад. Тьма непрогляднее даже чёрного пламени, которым ты объят. Тебе нет спасения. Я достаточно людей повидал, чтобы с уверенностью говорить такое. Десять к одному, что ты не выкарабкаешься. Всё закончится тем, что ты уничтожишь обычное счастье собственными руками. Но если ты отступишься сейчас, то, возможно, встретишь ту же судьбу, что и герой романа, который я собираюсь написать.

Дюма будто пытался сказать мужчине, чтобы тот не разрешал ему писать роман. Мститель в чёрном выслушал его и с невероятно довольной улыбкой огласил пустоту злобещим смехом.

— Вот как... Значит, ты, человек, которого называли «королём Парижа», с уверенностью говоришь, что меня ждёт ад.

— Почему ты смеёшься?

— От облегчения. Это значит, что мой путь достоин того, чтобы по нему идти.

Мститель впустил в свой голос ярость, пламя которой угрожала поглотить его целиком, и продолжил:

— Мне не нужно спасение! Не нужно милосердие! Как я мог бы говорить о «мести», если бы отказался заплатить цену за то, что даже невинного утопил в своей ярости?

«Почему мы здесь?»

«Почему видим всё это?»

«Наблюдатели» гадали, но не могли найти ответы.

Но в то же время они были не в силах отвести взгляд.

Даже если им была неведома личность человека, разговаривавшего с Дюма, они с болью ощущали тёмное пламя души глубоко внутри него.

Словно это пламя и привлекло их сюда.

Не зная, какими обстоятельствами руководствовались этот человек и Дюма, они просто чувствовали, как мужчина в чёрном таинственном образом воздействовал на их сердца.

Мужчина замолк, повернулся к Дюма и вновь произнёс:

— И всё же... То, что станет с человеком, идущим прямой дорогой в ад, не должно тебя касаться.

Он хихикнул и с ноткой удовольствия продолжил:

— Сперва я подумал, что ты такой же алчный до денег негодяй, как и мои заклятые враги... но ты на удивление радушен, писатель.

— Это не важно, не так ли? Просто у меня уже столько денег, что я не знаю, куда их девать, — Дюма поскрёб пальцами голову, явно встревоженный этими внезапными словами.

Человек в чёрном отвернулся от Дюма и направился к задней двери помещения.

— Это просто имя, от которого я отказался. Если ты говоришь, что увековечишь его своим пером, тогда сделай это, если сможешь.

— О, я-то сделаю. Да... Сперва подготовлюсь немного... но в следующий раз, когда я услышу упоминание об острове Монте-Кристо в каком-нибудь месте, никак не связанном с тобой, то пойму, что это судьба посылает мне сигнал. И, думаю, тогда начну писать. Буду публиковаться в газете или ещё где, так что жди с нетерпением.

— Смотри не забудь. Если мне не понравится концовка, я заявлюсь к тебе в спальню, чтобы разорвать рукопись и твою трахею.

В ответ на угрозу, которую с остроумной улыбкой выдал человек в чёрном, Дюма с сарказмом произнёс:

— Разумеется. Если роман принесёт мне кучу денег, я построю усадьбу на берегу Сены и назову её «Монте-Кристо», так что ты будешь знать, где меня найти.

Он понятия не имел, что однажды воплотит эту свою колкость в жизнь.

— Как бы то ни было, если концовка тебя устроит, то можешь зайти и воздать мне немного аплодисментов. Мне бы хотелось по возможности узнать, чем всё закончилось для прообраза моего персонажа.

— Могу сказать тебе лишь одно.

Человек в чёрном криво, едва заметно улыбнулся и, не оборачиваясь, заявил:

— Жди и надейся.

«Наблюдатели», слушавшие их разговор, больше ничего не смогли увидеть.

Вместе со словами мужчины их сознания покинули это место.

При этом у них было чувство, что они уже были включены в жизнь Героической души Александра Дюма – в его «историю».

И затем сознания «наблюдателей» окутал свет...

XX

В утренних лучах солнца.

— Что... это было?..

Вера, координатор отряда полиции, осознала, что она лежала на скамье на территории больницы, и медленно встала.

— Где... Как я здесь оказалась?

Другие офицеры, лежавшие на земле рядом с ней, также начали подниматься на ноги, слово по команде.

Они все озирались с выражением замешательства на лицах.

— Где?..

— Что? Это же сейчас был...

— Мистер Кастер... и человек в чёрном...

Слушая их бормотание, Вера рассудила, что они все видели одно и то же.

— Сон?.. Но всё было таким...

Ярким и реалистичным.

Они даже не могли толком вспомнить, что слышали. Всё было так, словно что-то исторгло их

пробуждающиеся сознания из тел и закинуло их в другое время и место.

— О, вы тоже это видели?

— Джон?..

Голос, раздавшийся за спиной Веры, принадлежал Джону, который, похоже, уже полностью очнулся.

Его протез был наполовину уничтожен и лишился клинка, смазанного ядом гидры.

Разумеется, если бы от клинка что-нибудь осталось, то он представлял бы невероятную опасность, так что в каком-то смысле им повезло.

— Раз уж вы упомянули мужчину в чёрном, полагаю, вы увидели, как мистер Кастер разговаривал с мстителем в ресторане... Ну, я первым делом тоже это увидел...

— Первым делом?.. Что с тобой произошло, Джон? Как ты обрёл такую силу?

Джон ответил на спокойные вопросы Веры с явным замешательством.

— Ну... я и сам ничего не понимаю... Мне показывали самые разные «героические сказания», начиная с этого, где-то... часов десять, наверное. Невероятно сильные мушкетёры вроде знаменитой троицы и герой-революционер Гарибальди. Им на смену пришли поразительные писатели, которых он встретил в Париже... О, думаю, они тоже были героями...

Судя по голосу, Джон был сбит с толку. Вера отреагировала на кое-что из его недоумённых слов.

— Десять часов?..

— Да. Что странно, когда я очнулся, с потолка больницы всё ещё падала пыль. Полагаю, на самом деле прошло, наверное, несколько минут. Но ясно одно: эту силу мне дал мистер Кастер... в этом я уверен.

— Кастер?.. Он покинул убежище? Он тоже здесь?

— Кстати говоря... «Здесь» это где?..

Джон затих и посмотрел на двери больницы, выходящие на главную улицу.

— Я очнулся перед церковью, но... Впрочем, сами посмотрите. Я не знаю, как это объяснить...

— ?

Прислушавшись к его совету, Вера взяла с собой нескольких других офицеров, успевших прийти в сознание и вышла из больницы наружу, где они увидели... полное отсутствие разрушений. Над нетронутой главной улицей порхали птички.

Церковь, которая должна была быть наполовину уничтожена, также была восстановлена. Впрочем, «восстановлена» было не самым уместным словом, потому что всё выглядело так, словно она вообще не была до этого разрушена.

Всё словно говорило о том, что погром, вызванный ночной битвой между Героическими

душами, был лишь иллюзией.

Явно измождённый Джон, стоявший за спинами озадаченных офицеров полиции, задал вопрос, похоже, отчасти обращаясь к самому себе.

— Если сражение до того, как мы потеряли сознание, произошло на самом деле... тогда где мы очутились?..

XX

Сноуфилд. Специальный исправительный центр Коулсмана.

— Они исчезли. По-другому и не скажешь.

Для общественности это учреждение являлось частной тюрьмой, что было вполне распространённым явлением в Соединённых Штатах.

Фалдеус, находившийся на особом объекте для наблюдения глубоко внутри исправительного центра, негромко вздохнул.

Просмотрев доклад, он теперь раздумывал над исчезновением нескольких его людей, которые находились близ главной улицы.

Исходя из доклада, полицейские окружили больницу.

А ещё кто-то из полицейского участка связался с больницей заранее.

Увидев имя пациента, приписанного к доктору, с которой был осуществлён контакт, Фалдеус покачал головой.

— Куруока Цубаки... Чёрт бы побрал этих Куруока. Поверить не могу, что они сделали Мастером свою коматозную дочь.

У Фалдеуса были сомнения по поводу мотивов Куруока, магов, которые сговорились с зачинщиками этой Фальшивой Войны за Святой Грааль, но благодаря хаосу, воцарившемуся днём ранее, он в общих чертах понял обстоятельства.

— Не знаю, случайно у неё появились командные заклинания, или же это было намеренно... но теперь я понял. Они используют свою дочь, чтобы управлять Слугой и снабжать его магической энергией из безопасного места... Хитро, но, полагаю, вполне разумно. Я слышал, что даже в Войне за Грааль города Фуюки один знаменитый Лорд использовал свою невесту в качестве источника магической энергии.

— Думаете, что это сделал Слуга Куруока Цубаки?

— Франческа заверила меня, что она не нашла никаких следов магии, нарушающей восприятие или создающей какую-либо иллюзию, — ответил Фалдеус, кивнув Алудре, женщине, служившей ему адъютантом. — Разумеется, она, похоже, наслаждается сложившейся ситуацией.

— Значит, более тридцати человек исчезли с главной улицы за короткий промежуток времени. Включая Слуг, если предположить, что они не перешли в призрачную форму, чтобы скрыться.

Деловое и бесстрастное заявление Алудры подтолкнуло Фалдуса вновь просмотреть список, приведённый в докладе.

— Помимо отряда полиции, среди пропавших значатся Флат Эскардос, самопровозглашённый Наблюдатель Ханза Сервантес и четыре монахини – судя по всему, его подчинённые – которые были в церкви... Официально он обычный священник, но, исходя из докладов Орландо Рива и записи боя, зафиксированной нашей сетью наблюдения, он, должно быть, экзекутор. Причём довольно умелый.

Фалдеус нахмурился, после чего прочёл вслух оставшиеся имена.

— И ещё... Сигма и Мастер Сэйбера, которая была с ним.

Глядя на светловолосую девушку в очках, которую он видел на видеозаписях, Фалдеус погрузился в размышления.

— Её личность меня беспокоит... но не похоже, что она маг. Исключать вероятность нельзя, но мы должны счесть это работой Слуги Куруока Цубаки.

Они потеряли связь с Сигмой, который был, в сущности, на их стороне. Также им не удалось определить, что произошло с Ассасин и Сэйбер, находившимися, судя по всему, рядом с ним с самого утра.

Даже если не считать Ассасин, призванную для того, чтобы «разжечь пламя», при уничтожении Сэйбера его духовная основа и магическая энергия должны были влиться в Грааль.

Но этого, судя по всему, не произошло, значит, существовала большая вероятность, что Сэйбер, по крайней мере, был всё ещё жив.

В таком случае куда они исчезли?

Фалдеус хотел тщательно обдумать этот вопрос, но Алудра привлекла его внимание к ещё более насущной проблеме.

— Скажем, что разрушения на главной улице стали результатом взрыва подземного газопровода... цепная реакция, вызванная недавним происшествием в пустыне. Газовой компании придётся несладко... но мы для того её и создавали, чтобы пустить в расход. Жаль, конечно, простых работников, которые ничего не знают, но пусть ими занимаются «обычные» политики со своими планами социального обеспечения, — без всякого интереса сказал Фалдеус и переключился на другую проблему.

«Пришло время найти собственного Слугу».

«В худшем случае мне придётся использовать командное заклинание, чтобы призвать его к себе...»

Он уже хотел вернуться к своей работе... как вдруг ощутил слабое изменение в потоке магической энергии внутри него.

— ...

Это было странное ощущение, отличное от его обычных пяти чувств. Словно что-то внутри его тела слегка потускнело.

Фалдеус интуитивно распознал в этом «сигнал». Доверив Алудре разбираться с оставшимися деталями, он покинул комнату наблюдения.

Фалдеус шагнул в свою «мастерскую», которая находилась в этом же здании, убедился, что закрыл дверь, изолируясь от всех внешних радиоволн и магической энергии, и затем произнёс:

— Могу я поинтересоваться, чем ты занят?

— О чём ты хочешь узнать, мой контрактор? — раздался за спиной Фалдеуса голос, полностью лишённый эмоций и поэтому пробирающий до костей.

Фалдеуса окружали марионетки, которые передавались в его семье из поколения в поколение.

Невольно представляя себе, что голос доносился от каждой из них, он произнёс величественным тоном Мастера:

— Разумеется, я имею в виду приказ, что я отдал тебе, Ассасин... нет, Хассан ибн Саббах.

В том, что он произнёс его имя вслух, был смысл.

Фалдеус обращался к собственному Слуге, которого он мог называть «Истинный Ассасин», а не к девушке-фанатичке, призванной для того, чтобы «разжечь пламя».

— Я приказал тебе убить Гальвароссо Складио, главу семьи Складио. И всё же дела, похоже, приняли странный оборот.

За день, прошедший с того момента, как он отдал этот приказ, часть Соединённых Штатов впала в хаос.

За один только этот день тридцать пять важных фигурах в сферах бизнеса, медиа, политики и дипломатии скончались из-за несчастного случая или болезни. И большинство смертей по естественным причинам стали результатом именно внезапного инсульта или сердечного приступа, а не продолжительной борьбы с болезнью.

— Я ещё не получил доклада о смерти Гальвароссо... но в области, где он, как предполагается, обитает, происходит одна смерть за другой. Было бы глупо не заподозрить связь.

Фалдеус говорил агрессивно, скрывая тот факт, что на его спине и ладонях проступил холодный пот.

Если его Слуга совершал серию убийств по какой-то собственной причине, то Фалдеусу нужно было приструнить его, даже если ради этого придётся применить командное заклинание.

Однако если Слуга был из тех, кто не боится уничтожения, вполне возможно, что он попытался бы убить Фалдеуса прежде, чем тот успеет использовать командное заклинание.

Фалдеус приготовил свой разум и магическую энергию к тому, чтобы активировать заклинание, но тень – Хассан – просто ответила как ни в чём не бывало:

— Я не нарушил наше соглашение. Я лишь отправил жизни, оборвать которые тебя убедила твоя вера, на другую сторону сна.

Голос был холодный и механический, словно принадлежал тени, не обладавшей собственной волей.

— Как тот, кто шествует в тени священного очищения, клянусь: я лишил жизни тех людей, Гальвароссо Складио.

— Тех... людей?..

Фалдеус озадаченно нахмурился и ещё раз обдумал эти слова.

— Неужели!..

— Именно так.

Возвышавшаяся за его спиной «тьма», тихо заявила, развеяв тем самым все сомнения:

— «Человека», носящего имя Гальвароссо Складио, уже полностью растащили паразиты. Вот и всё.

XX

Днём ранее. Где-то в Соединённых Штатах. Поместье Складио.

Семья Складио.

Один из главных преступных синдикатов Америки, оказывающий значительное влияние не только на криминальный мир, но и на сферу бизнеса.

Существовала причина, по которой семья Складио сохранила свою власть, даже когда меры по отношению к картелям усилились.

Она обращалась к тем, кого по тому или иному поводу изгнали из Часовой башни или азиатских магических организаций, и другим беспризорным магам, и использовала свои обильные финансовые ресурсы, чтобы поддерживать их деятельность.

Взамен они предоставляли семье Складио свою магию, но их никто к этому не принуждал. Они добровольно помогали семье, дабы не лишиться в её лице идеального покровителя или заступника, оберегающего их от конкурирующих организаций.

У семьи Складио также были внушительные связи с южноамериканскими наркокартелями, но их «наркотики» никогда не попадали на рынок. Эти вещества, подвергшиеся самым разным улучшениям, использовались магами под покровительством семьи в качестве особых катализаторов или ингредиентов для эликсиров.

Часовая башня занимала в их отношении следующую позицию: якобы, их стоило бы уничтожить, как только представится возможность, но в нынешнем положении минусы, а

именно обострение отношений с Соединёнными штатами и высвобождение всех связанных со Складио магов, значительно переешивают плюсы. Под этим предлогом они, по большей части, сохраняли статус-кво.

Глава этой могущественной организации, чьё влияние распространялось не только на общественность и криминальные круги, но и на мир магов, в данный момент... безвольно лежал на огромной кровати в глубинах обширного особняка. К его телу были подключены аппарат искусственного дыхания и множество трубок.

Любой при его виде сказал бы, что жить ему осталось от силы пару лет, но он улыбался под своей дыхательной маской и протягивал большую плюшевую лису девочке, стоявшей рядом с его кроватью.

— Спасибо, прапрадедущка! Я буду дорожить ею всю свою жизнь!

— Хорошо... Оливия. Незачем хранить её так долго. Когда найдёшь что-нибудь, что будет тебе более дорого, забудь про меня, — сказал прикованный к постели старик девочке пяти или шести лет. Голос его был хриплым, но в нём всё ещё чувствовалась сила.

Его имя было Гальвароссо Складио.

Оно было ненастоящим, но можно было без преувеличения сказать, что это имя, оставившее свой след в мире, было всем, чем он являлся.

Он был главой семьи Складио, человеком, который использовал все доступные меры, чтобы продлить свою жизнь. Официально ему было сто девять лет, но ходил слух, что на самом деле он был ещё старше.

Большая часть этих мер была связана с использованием магии и потому стать достоянием общественности не могла. Однако сам Гальвароссо магом не был, поэтому он мог замедлять свои физическое старение и умственную деградацию лишь до определённого предела.

Поистине могущественные маги могли превратить себя в кровососа или другое «нечеловеческое существо», но вот преобразовать другого человека... По крайней мере, маги семьи Складио не могли сделать это без сопутствующего риска. В особенности это касалось тех, кто магом не являлся, вроде Гальвароссо.

— Послушай, Оливия.

— Да, прапрадедущка?

Гальвароссо улыбнулся и сказал девочке, которая была самой младшей из его сорока трёх праправнуков.

— Ты так похожа на мою жену, скончавшуюся восемьдесят лет назад... Дай мне поближе взглянуть на твоё лицо.

— Станный ты, дедушка. Говоришь так, словно тебя скоро не станет.

Охрана, сопровождавшая девочку, отвела взгляд, услышав её наивные слова.

Должно быть, они знали, что Гальвароссо, скорее всего, недолго осталось.

Сам же старик, однако, не проявил такой слабости и с улыбкой продолжил слушать свою

праправнучку.

После недолгой беседы девочка и её телохранители покинули комнату.

Прикованный к постели Гальвароссо остался наедине с негромкими звуками, которые издавал его аппарат искусственного дыхания.

Несмотря на полное отсутствие охраны, эта комната, расположенная в глубинах штаб-квартиры семьи Складио, была защищена магией, которая превращала её в крепость.

Один из телохранителей, сопровождавших его праправнучку, был умелым магом. Без него она бы даже не заметила коридор, ведущий к его комнате.

Большая и сложная мастерская, созданная усилиями самых элитных магов в распоряжении семьи – вот чем была главная резиденция Складио.

Множество защитных механизмов и злых духов внутри мощного барьера из тридцати пяти слоёв.

Поскольку однажды произошёл случай, когда мастерская мага была уничтожена вместе со всем зданием, в котором она находилась, системы штаб-квартиры защищали её как от авиаударов, так и от попыток разрушить основание глубоко под землёй.

Более совершенной защитой, пожалуй, могли похвастаться лишь средоточия магов вроде Часовой башни и Блуждающего моря или же извращённые лабиринты и логова, на создание которых маги, желающие достичь Истока, тратили всю свою жизнь.

В центре прочнейшего барьера находилось пространство, в котором не было даже намёка на насекомых, не говоря уж о злобе.

Здесь ничего не угрожало Гальвароссо, за исключением его собственной продолжительности жизни. Несмотря на это... он сознательно снял маску, уставился в пустоту и произнёс:

— Ты здесь, не так ли, тьма, возвещающая о моей смерти?

Пустота не ответила.

Однако Гальвароссо продолжил говорить будто сам с собой:

— Да, я знал. Знал... вот уже много лет.

Без маски дыхание, должно быть давалось ему с трудом, но Гальвароссо это не остановило.

— Я потратил своё личное состояние на аукционе, чтобы заполучить этот Мистический глаз... Мы были не очень-то совместимы... или, наоборот, слишком совместимы... но он показывал мне лишь одно и то же будущее... снова... и снова...

Он продолжил обращаться к пустоте. В его слегка несоответствующих друг другу глазах читался смех, вызванный самоиронией.

— Сегодня. День, когда я умру...

Пустота по-прежнему не отвечала.

Но Гальвароссо говорил так, словно был уверен в том, что его слышат. Что-то в выражении лица выдавало его облегчение.

— Я понял, что сегодня тот самый день... когда Оливия попросила у меня... плюшевую лису.

Гальвароссо пересадили Мистический глаз на одном поезде.

Он показывал ему будущее.

Будущее, которое разыграется здесь, в его собственном пристанище.

Он видел, как «тьма» закрывает его глаза после того, как он отдаёт плюшевую лису своей праправнучке.

— Всё просто. Мне нужно было лишь не давать эту лису Оливии... самой юной в моей семье. Этого бы хватило, чтобы изменить мою судьбу. Так я подумал... но, полагаю, вот что значит стареть... Я скорее умру... чем буду смотреть, как Оливия плачет и дует на меня... Вот что я чувствовал, честно...

Гальвароссо тихо объяснил свой поступок, обращаясь к пустоте.

Хладнокровный лидер, некогда внушавший ужас другим картелям, исчез. Остался лишь умирающий человек, который продолжал говорить с кем-то невидимым.

— Забавно, правда? Я сокрушил немало организаций, убил много, очень много людей, чтобы подняться на эту вершину... Тьма, что принесла мне смерть, прошу тебя... Если ты и вправду здесь, послушай... Я... умру, но не так... Нет, я не могу умереть вот так...

Его лицо постепенно становилось всё бледнее, словно от нехватки кислорода, видимо, по причине того, что он снял маску.

Но, словно показывая, что ему ещё есть что сказать, он протянул руку к пустоте и продолжил:

— Маги, которые пытались продлить мою жизнь... решили, что больше не важно, останусь ли я мной... Баздилот был против... но другие маги... убили души других влиятельных американцев... и переписали... их личности. Они хотели превратить эту страну... в рай для магов... Прошу... прекрати этот вздор... Позволь мне... умереть... Я просто хотел обрести шанс... использовать волшебство... магию...

Его речь стала прерывистой. Слова постепенно переставали складываться в предложения.

Но, словно в попытке запечатлеть своё естество в этом мире, он продолжал выговаривать слова, которые были чуть ли не проклятиями, обращаясь к пустоте комнаты.

— Да, да, первая женщина, которую я полюбил, моя жена, была магом... Магических цепей у неё почти не было... Можно сказать, дилетантка... Убита Часовой башней... Магия... Да, волшебство... Я всегда жаждал его... словно ребёнок... Я хотел... использовать магию... как она... Хотел увидеть тот же мир... то же самое... что видела она... Это всё, чего я хотел... Власть... Организация... А... А-а... А-а-а-а...

Гальвароссо продолжал кусками вспоминать пройденный им путь, словно желая искупить свои грехи.

По мере того, как слова слетали с его губ, его глаза дрожали от эмоций.

И затем, когда его сердце готово было вот-вот разорваться от страха смерти... тьма потянулась к нему из пустоты, чтобы тихо и нежно закрыть его глаза.

«Он» существовал.

Посланник смерти, который проскользнул прямо в сердце этой гигантской магической мастерской - чьи барьеры и защитные механизмы пусть и не были совершенными, но всего лишь на шаг были ниже, чем он - не задействовав ни одну из её систем.

— Тебе нечего бояться.

Это был странный голос. Он, казалось, доносился отовсюду и в то же время был слышим лишь Гальвароссо. Слова, что произнёс этот голос, были просты, но именно из-за своей простоты они нашли отклик в его хаотичных эмоциях.

— Ты уверен?.. Человек вроде меня...

Из его Мистического глаза, который ничего ему больше не показывал, потекли слёзы. Тьма милосердно окутала его жизнь.

— Мне не дозволено судить тебя. Как не дозволено и тебе самому. Доверь всё ночи.

Тьма, которая незаметно для старика приняла человеческие очертания, положила ладонь на его голову и бесстрастно изрекла:

— Пробудись же в мире и покое на дальней стороне сна.

Затем тьма незаметно исчезла из комнаты, оставив лишь старика, которому больше не нужно было дышать. Глаза его были закрыты, а на лице читалось облегчение.

Он жаждал магии.

Этот человек так долго действовал за кулисами магического и американского общества, погубил бессчётное количество жизней... всего лишь ради детского желания. Можно сказать, что для такого, как он, эта смерть была уж слишком мирной.

XX

Настоящее. Сноуфилд. Мясоперерабатывающий завод.

Битва между гигантской механической Героической душой и Алкидом превратила мясоперерабатывающий завод в руины.

Однако, благодаря Благородному Фантазму Франсуа Прелати он был, по всей видимости, восстановлен.

В его искажённом пространстве маг, который был Мастером Алкида - Баздилот Корделион - собирал элементы, которые разрушение не затронуло, и обустроивал простую мастерскую.

Его подчинённые - маги семьи Складио - шептались друг с другом, наблюдая издали за Баздилотом, который, используя магию, связывался с кем-то через коммуникатор.

— Эй... А когда мистер Корделион спит?

— Ты разве не знаешь? Он особенный. Я слышал, что он может спать всего по несколько секунд в день.

— Серьёзно?.. Я допускаю, что он может протянуть так несколько дней с помощью магии, но...

— Это ещё не всё. Ест он тоже по минимуму. Ходят слухи, что он обходился без воды и еды целых тридцать дней, когда выслеживал враждебного мага, укрывшегося в мастерской где-то в заснеженных горах.

Маги наблюдали за работой своего начальника со страхом в глазах.

— Нам повезло, что он на нашей стороне... Когда здесь появилась та жуткая Героическая душа, он даже бровью не повёл.

— Да уж. Не знаю, что за маги другие Мастера, но я не могу себе представить, чтобы он им уступил.

Даже среди магов и заклинателей они были едва ли не бесприютными. Да и в семье Складио их положение нельзя было назвать высоким.

Но внутри здания завода вдруг раздался голос взрослого человека, который, в отличие от их шёпота, был совершенно спокойным.

— Да никакой мистер Корделион не неуязвимый. Его побеждали несколько раз, и он этого не скрывает.

Это был мужчина, который работал под началом Баздилота дольше всех.

Когда-то он пришёл на замену другого доверенного Баздилота, который перекинулся на сторону другого вражеского мага, но в итоге ему удалось занять довольно высокое положение в семье Складио, однако Баздилот всё равно стоял гораздо выше его.

Заклинатель-ветеран начал рассказывать про Баздилота своим более молодым соратникам.

— Он едва не погиб в бою с экзекуторами Святой Церкви, а однажды его перехитрил фрилансер по фамилии Сисиго. Магало из Дер Фамилье выдавил ему одно лёгкое, а брат Деграс выжег большую часть его Магических цепей. Кажется, ничьей закончился его бой с У из компании «Марбл»... Это произошло ещё до его вступления в семью, но я слышал, что все ставили на его смерть, когда он выступил против одной из самых печально известных организаций Часовой башни – Аббатства Шпонхайм, кажется.

— В-вот как?

— Пугает то, что всё это никак не сказалось на его разуме. Даже когда его органы сгнили, даже когда к его ногам бросили голову его возлюбленной – он оставался спокоен. Тот, кто бросил эту голову, вероятно, надеялся наложить на него какое-то заклинание, когда это зрелище потрясло бы его... но это не сработало, — как ни в чём не бывало произнёс мужчина, запалив сигарету.

— Что стало с тем магом? — сглотнув, спросил один из подчинённых.

— Да то же, что и с другими. Мистер Корделион просто запихнул его в ту машину и

переработал в кристалл маны. Разумеется, рыдал он сильнее всех прочих.

Взгляд мужчины замер на огромной машине, созданной магом по имени Атрам Галиаста для преобразования жизненной силы человека в кристаллы маны. Во время сражения с гигантской Героической душой днём ранее она была повреждена и в данный момент не работала.

Однако проблемой это не было. У них в запасе имелось достаточно кристаллов для того, чтобы Алкид мог сражаться в полную силу до самого конца Войны за Святой Грааль.

— Видите ли, он принёс в жертву свои жизнь и семью большому боссу, Гальвароссо Складио... Я ни разу не видел, чтобы он плакал или...

Мужчина вдруг прервал свой непринуждённый рассказ.

Баздилот встал со своего места у коммуникатора и незаметно для всех направился в сторону склада, находившегося в глубинах мясоперерабатывающего завода.

— Мистер Корделион... Что-то не так?

Подчинённые маги гадали, что же такое ему понадобилось на складе, но, поскольку никаких приказов озвучено не было, они остались на своих местах.

Затем через небольшой промежуток времени... Баздилот вышел из широко распахнутых дверей склада.

Его подчинённые выпучили глаза.

Их удивление было вызвано музыкальным инструментом, который он нёс в правой руке.

Разумеется, обычный инструмент не изумил бы их так сильно.

На самом деле даже сямисэн, обтянутый человеческой кожей, удивил бы их гораздо меньше.

Дело было в типе музыкального инструмента.

То, что держал в руке Баздилот, было больше его самого. Это был рояль.

— ...

Среди магов, которые были не в силах переварить увиденное, воцарилась тишина.

«О, это же... рояль? Что?»

На первый взгляд могло показаться, что Баздилот тащил чёрную громадину, но нет, он удерживал инструмент над землёй силой одной лишь руки.

Должно быть, его тело было изменено усилением или магией господства.

У магов не умещался в головах тот факт, что Баздилот использовал эту непропорциональную сверхчеловеческую силу для такой странной цели, как вынести со склада рояль. Чем лучше они осознавали ситуацию, тем сильнее становилось их замешательство.

Он продолжал идти, двигаясь в сторону огромного морозильника, изготовленного для мясоперерабатывающего завода.

— М-мистер Корделион?! Что происходит?! Рояль, э-э-э...

Они знали, что на складе для какой-то цели стоял рояль.

Они были в курсе, что игра на рояле была одним из талантов Баздилота, но никто не понимал, зачем он вообще потащил его в такое место.

Прежде всего, пребывание в морозильнике вряд ли положительно скажется на музыкальном инструменте и лишь значительно уменьшит срок его жизни.

Настройщик или пианист, наверное, лишились бы чувств при виде такого.

То, что их головы посетили столь неуместные мысли, лишь подчёркивало степень их замешательства, вызванного действиями Баздилота.

Когда они уже начали думать, что это, возможно, был какой-то Тайный знак, замаскированный под рояль, невыразительный Баздилот произнёс:

— Похоже, что мистер Складио... Дон Гальвароссо покинул нас.

— Что?..

На этот раз время в их головах будто замерло.

Миновав ошарашенных магов, Баздилот открыл двери морозильника и исчез в лесу из подвешенных туш.

Двери закрылись, и морозильник погрузился во тьму.

Когда угольно-чёрный рояль оказался в его центре, чуждая «чернота» пожрала мир красной плоти и белого жира.

В морозильнике, сопоставимым по размерам с теннисным кортом, воцарилась зловещая гармония, словно он был произведением искусства.

Баздилот, всё ещё не проявляя никаких эмоций, положил руки на клавиши и замер.

Вокруг его лица не было даже белых облаков пара. Похоже, что он перестал дышать.

Тишина и неподвижность слились воедино, пронизывая холодным воздухом кожу мага с ещё сильнее.

Спустя минуту в этой неподвижности, настолько совершенной, что, казалось, застыло даже время... Баздилот, по-прежнему не дыша, начал с лёгкостью скользить пальцами по клавишам.

— Эй, что он имел в виду, когда сказал, что дон нас покинул?

— Подождите.

Один из магов, с тревогой ожидавших снаружи, жестом потребовал тишины и напряг слух.

За дверями морозильника он услышал... беззаботный фортепьянный мотив.

От этой прекрасной эфемерной мелодии сердца поражённых людей стали спокойными, словно

поверхность чистого ручья.

— Реквием... Это... «Lacrimosa»? — пробормотал ветеран.

Вольфганг Амадей Моцарт. На закате своих лет великий композитор начал работу над великим произведением, которое после его смерти закончил один из его учеников. Этим произведением был «Реквием».

А эта мелодия – «Lacrimosa» - являлась его частью.

Их сердца, очарованные звуками рояля, тронутыми горем, но исполненными нежностью, наконец-то вобрали в себя смысл слов Баздилота. Гальвароссо Складио был мёртв.

У них не было иного выбора, кроме как принять это.

— Мистер Корделион... По дону...

У одного из младших подчинённых, слушавшего доносившуюся из морозильника мелодию, на глаза навернулись слёзы.

Они слышали, что Гальвароссо, скорее всего, недолго оставалось. Баздилот, должно быть, привёз рояль с собой в Сноуфилд, чтобы сыграть реквием, когда до него дойдёт весть о его кончине.

Омывая свои души в звуках игры Баздилота, люди запечатлели в головах уважение к его решимости и тому, с каким спокойствием он выражал свою скорбь по дону.

Если бы свидетелем этой сцены стал кто-нибудь посторонний, он бы стал гадать, стоило ли ради такого вообще тащить сюда рояль, но людей Баздилота подобное уже не заботило.

Они просто вновь убедились в том, что их начальник был выдающимся человеком.

«И всё же зачем прикладывать такие усилия, чтобы сыграть в морозильнике?»

К тому времени, когда этот вопрос вновь возник в их головах, представление подошло в концу.

Последовала недолгая тишина, и двери морозильника открылись.

— Мистер Корделион!

К нему тотчас же подбежали несколько человек, чтобы узнать подробности.

— Когда дон?..

Их слова замерли.

И не только слова.

Само время будто застыло для них. Они замерли, не в силах говорить.

Это было не то время и не то место, чтобы расспрашивать Баздилота.

Само его лицо оставалось привычно невыразительным и исполненным машиноподобной убийственности.

Но в противовес этому... интерьер огромного морозильника за его спиной превратился в красно-чёрный ад.

Красный и чёрный.

Эти два цвета царили в морозильнике.

Дюжины животных туш, вместо того, чтобы висеть, как им и полагалось, были сбиты со своих крюков.

Одни куски мяса были размазаны о стены и напоминали красные стельки. Другие были изрублены в фарш прямо вместе с костями и разбросаны по полу.

Местами мясо сгнило, растворяясь в красных лужах, похожих на кровь, а где-то вообще было сожжено в пепел. Куски мяса уже воспринимались не как то, что когда-то было пищевым продуктом, а как трупы животных - и между ними извивалось нечто, напоминающее тёмно-красную грязь, что словно собирало уничтоженную плоть в себя и пожирало её.

— А-а-а...

Один из подчинённых осел на пол.

Все они были магами или заклинателями.

Зрелища в морозильнике было мало, чтобы их испугать.

Но когда на них нахлынула сочившаяся из него хаотичная и неиссякаемая магическая энергия, подобная гневу ребёнка, вложившего все свои силы в эту смесь жажды крови и враждебности, они не выдержали и закричали.

Они были в ужасе.

В ужасе от своего начальника, Баздилота Корделиона.

В ужасе от его рациональной ненормальности, которая породила такое зверское буйство магической энергии во время исполнения столь прекрасной мелодии - и при этом ограничила его лишь одним помещением.

Баздилот посмотрел на своего рухнувшего подчинённого, после чего повернулся и окинул взглядом морозильник, оставаясь всё таким же невозмутимым.

— Похоже, немного попало на рояль.

Несколько кусков говядины угодило на его ножки.

Тёмно-красная «грязь» полностью избегала рояль. Всё выглядело так, словно вокруг него был возведён барьер.

Спустя секунду... рояль в мгновение ока потонул в море грязи и исчез из виду.

Баздилот закрыл двери морозильника и направился к центру своей мастерской, словно ничего не произошло.

Затем вместо его подчинённых, которые всё ещё не могли пошевелиться, рядом с Баздилотом

материализовался его Слуга, который до этого момента пребывал в призрачной форме, и произнёс:

— Это было неожиданно.

— Что ты имеешь в виду?

— Что тебе интересна музыка.

Алкид не стал затрагивать эмоции Баздилота и попросту выразил своё удивление тому, что его Мастер умел играть на рояле.

— Это упражнение, помогающее мне сохранять непоколебимость ума, — бесстрастно ответил мстителю Баздилот. — Мистер Складио однажды услышал, как я играю, и ему понравилось.

После небольшой паузы он добавил, объясняя причину, по которой он только что играл на рояле:

— Я пообещал, что сыграю реквием... если случится худшее.

Баздилот повернулся к Алкиду и произнёс:

— Похоже, ты оправился от физических ран. Тебе сильно досталось.

— Беспокоиться не о чем. Однако сражаться с Райдер... царицей амазонок в том состоянии было проблематично.

Алкид был одним из немногих участников недавнего сражения на главной улице, которые не исчезли и остались в Сноуфилде.

Предыдущей ночью, когда хлынувший из больницы «чёрный дым» готов был окутать его... Алкид призвал четырёх коней Диомеда, которые были частью его Благородного Фантазма, Царских приказов, отправил трёх из них в чёрный дым в качестве приманок, а сам успешно покинул главную улицу верхом на четвёртом.

Однако он подвергся нападению Райдер, царицы амазонок Ипполиты, которая выбрала именно тот момент, чтобы появиться, и получил ранения.

Эти повреждения, а также рана от смазанного ядом гидры клинка полностью исчезли.

Сила «демона», которую он украл у Берсеркера, в данный момент была заключена внутри него. На первый взгляд Алкид выглядел так же, как и после его призыва и преображения.

Однако Баздилот бесстрастно спросил про другую сторону его Слуги:

— Сколько дней ты ещё выдержишься?

Алкид с удивительной готовностью ответил:

— Я смогу сохранять рассудок ещё три или четыре дня.

— Вот как. Это ставит нас в невыгодное положение перед фальшивками... Нет, учитывая, что само по себе безумие тебя не уничтожит, у нас всё ещё будет преимущество.

Яд гидры действительно отравил Алкида.

Он использовал мерзкую грязь, чтобы поглотить его и предотвратить телесное разрушение... но этот смертоносный яд, который когда-то оборвал жизнь Алкида и косвенно довёл его третью жену до самоубийства, всё ещё находился в его теле.

Яд ещё не изъел его плоть лишь благодаря воздействию Царских приказов.

Он использовал силу, которую получил от эриманфского вепря.

Эта сила, однако, принадлежала не вепрю.

Величайшим трофеем, которым Алкид завладел в том походе, был вовсе не зверь.

Нечто, что он в покаянии забрал у своего наставника.

А именно бессмертие Хирона.

Хирон, обладавший бессмертием кентавр, был случайно поражён стрелой Алкида, смазанной ядом гидры.

Боль была такой невыносимой, что кентавр передал своё бессмертие Прометею и умер.

Поэтому, несмотря на то, что Алкид лишился двенадцати жизней, которыми обладала его нормальная духовная основа, одна дополнительная жизнь – бессмертие Хирона до того, как оно было передано Прометею – у него всё же была в качестве одного из Благородных Фантазмов.

Однако его высвобождение означало, что он будет испытывать ту же боль, что и Хирон.

В этот самый момент бесконечная агония – нестерпимая боль, которая вынудила его когда-то расстаться с жизнью – продолжала терзать его. Он сводил её на нет, преобразуя эти страдания и боль в силу с помощью влияния «грязи».

— Ты сожалеешь? О том, что убил своего наставника?

— Моё сердце, ныне ослеплённое местью, говорит мне радоваться тому, что я избавил наставника от бессмертия, от этого мерзкого проклятия богов.

Дав этот уклончивый ответ, Алкид продолжил:

— Пока что грязь побеждает, но этот яд – символ моей смерти. Он понемногу снедает не только тело, но и разум моей духовной основы.

Но он ничем не показал, что его это страшило.

Несмотря на смягчающий эффект «грязи», по его венам беспрестанно текла агония, породить которую не был способен ни один обычный яд. Но Алкид сохранял своё обычное психическое состояние – терпеть боль ему помогала жажда мести.

Однако это продлится лишь несколько дней, как он и сказал своему Мастеру.

— Этого будет достаточно. Тебе лишь нужно успеть заполучить Грааль, прежде чем яд убьёт тебя.

На это заявление Баздилота из-под ткани, скрывавшей лицо Алкида, вопросительно донеслось:

— Я думал, что сам Грааль тебя не интересуется.

— Я бы и дальше им не интересовался, если бы мой господин просто умер естественной смертью.

Баздилот слегка прищурился.

Он редко проявлял эмоции, но его голос сочился ненавистью и чем-то, очень похожим на жажду крови.

— Некоторые из магов семьи попросту не знают, когда нужно остановиться... Они скопировали личность моего господина в мозги нескольких других людей... но все эти «замены» тоже скончались. По разным причинам.

— О?

— Это значит, что их смерти не были цепной реакцией, вызванной побочными эффектами магии. Вмешался кто-то посторонний. И теперь я могу предположить, какая организация могла бы пойти на такое.

Прилагая усилия, чтобы своей сверхчеловеческой силой воли подавить рост «грязи», что питывалась, поглощая его собственную ненависть, он начал убеждать Героическую душу:

— Когда заполучишь Святой Грааль, используй его силу и покажи им всем сполна. Как только сокрушишь эту страну и раздавишь её под своей пятой, верни себе имя, от которого ты отрёкся, и задай всем хорошую трёпку. Переверни с ног на голову здравый смысл, уничтожь все таинства, и имя, которые ты так презираешь – Геракл – будет смешано с грязью и канет в забвение вместе с самой богиней Герой.

— Само собой.

В этот день, в этот самый момент... над Соединёнными Штатами нависла новая угроза.

Если Баздилот получит Святой Грааль... то он использует его силу, чтобы обрушить месть на государство.

Он намеревался совершить приношение во имя исполнения своего желания, используя силу Алкида, в которого впитается вся мощь Святого Грааля.

Фалдеус допустил лишь одну ошибку.

Он предположил – ошибочно – что Баздилот Корделион был бесчувственным магом. Именно магом до мозга костей или заклинателем, который будет ставить сокрытие таинств выше всего остального. Предположил, что маг, который был шестерёнкой в одной большой организации, после смерти её лидера обратится к любой другой организации, которая сделает ему наилучшее предложение, чтобы воплотить свои амбиции.

Разумеется, Фалдеус намеревался убить Баздилота. Как только тот сделает неверный шаг, Фалдеус воспользуется возможностью и прикончит его.

Однако Фалдеус сам являлся магом и поэтому просчитался.

Он был прав в том, что большинство магов семьи Складио либо использовали Складио, чтобы продолжать свои исследования в поисках пути к Истоку, либо были наёмниками-заклинателями, которые готовыми присоединиться к любой организации, которая предложит им поддержку получше.

Но остальные, в том числе Баздилот, были другими.

Очень немногие мыслили совсем не как маги – и в то же время не как обычные люди.

Даже среди этого меньшинства Баздилот Корделион укоренился в семье Складио исключительно сильно.

Его характер было сложно понять... но он становился чем-то отличным от такового у мага. Для Баздилота семья уже стояла выше, чем Исток.

Баздилот не был магом.

Он не был заклинателем.

Он не был священником.

Его душа пустила корни в общине под названием «семья Складио».

И эти корни Залегли глубоко и крепко переплелись.

Настолько глубоко и настолько крепко... что маг вроде Фалдеуса ни за что не смог бы понять, что им двигало.

Просто Фалдеус об этом ещё не знал.

XX

Во ____.

Очнувшись, Аяка Садзё поняла, что её сознание перенеслось куда-то далеко-далеко.

Она оценила ситуацию и быстро осознала, что вновь видела «прошлого» Сэйбера его глазами.

Аяка пришла в чувство, но ощущала себя так, словно её тело двигалось само по себе.

Она вспомнила, что в прошлый раз, когда она была в теле Сэйбера, он скакал по полю вместе со своими рыцарями и встретил человека, назвавшегося Сен-Жерменом, за рулём автомобиля...

Однако в этот раз всё было другим.

Она находилась в старомодном каменном замке в окружении роскоши.

Судя по высоте столов и размеру её ладоней, на которые она то и дело бросала взгляд, Аяка поняла, что находилась в теле ребёнка.

«Значит, это... детство Сэйбера?»

Тело, которое не подчинялось её воле, судя по всему, играло на музыкальном инструменте.

Даже Аяка могла сказать, что это была красивая мелодия.

Она отражалась от каменных стен, из-за чего у Аяки создавалось впечатление, будто она слышала богатое звучание целого оркестра, несмотря на то, что музыкант был всего один. Сложно было поверить, что играл ребёнок.

«Он тогда хорошо играл на гитаре... Похоже, это у него с детства...» — подумала Аяка, вспомнив его импровизированную игру в ночном клубе.

Как только представление закончилось, взрослые вокруг начали возносить ей хвалы.

— Великолепно, принц Ричард! Не верится, что Вы стали настолько хороши... за столь короткое время.

— И не только в музыке. Ваше Высочество также прекрасно проявляет себя в искусстве и владении оружием.

— Я слышал, что Ваше Высочество одолел в фехтовании одного из личных охранников Её Величества.

— Ваше Высочество поистине сын «несравненной» королевы Алиеноры.

Похвалы одна за другой слетали с языков старомодно выглядевших мужчин, выстроившихся перед ней.

Однако Аяка поняла.

К лучшему оно было или к худшему, но от неё не ускользнули зависть и страх перед Ричардом, скрывавшиеся за их словами.

И судя по взгляду и поведению тела юного Сэйбера, ему это тоже не особо нравилось.

Спустя какое-то время мальчик вернулся в свою комнату, где его встретила прекрасная женщина.

— В чём дело, Ричард? Ты выглядишь несчастным.

Затем в ушах Аяки прозвучал голос юного Ричарда.

— Матушка.

«Что?»

«Эта красивая дама... мама Сэйбера?..»

Слово «величественная» очень ей подходило.

В ней чувствовалось величие, затмить которое не способно было даже роскошное убранство замка. На самом деле она вызывала у Аяки такое чувство, что замок и солдаты находились здесь только для того, чтобы защищать и усиливать её, и это не было бы преувеличением.

Когда Аяка подумала, что, должно быть, такими и были королевы из сказок и легенд, женщина, которую по праву можно было назвать олицетворением своей прекрасной родины, обратилась к ней с любящей улыбкой матери на лице.

— Расскажи мне, Ричард. Безусловно, я не стану обещать, что помогу тебе, но и насмехаться над твоими словами не буду.

В ответ на это юный Ричард, поколебавшись секунду, отчётливо произнёс:

— Я боюсь, матушка...

— Боишься? Чего же?

— Я... могу делать что угодно. И делать очень хорошо.

«Прощу прощения?..»

«Какие самоуверенные слова».

«Однако...»

«Нет, это определённо очень самоуверенные слова!»

Аяка мысленно возразила целых два раза, но Ричард, естественно, никак на это не отреагировал.

— Я обучался обращению с мечом, и теперь никому в замке меня не одолеть. Я думал, что они сдерживаются, потому что я принц, поэтому покинул замок и напал на бандитов, которые гордились своей доблестью. Однако я без труда их уничтожил.

— ...

«Что этот парень творит?!»

«Он что, идиот?!»

«То есть да, это очень в духе Сэйбера, но всё же!»

— То же касается музыкальных инструментов. Любой из них я осваиваю очень быстро и начинаю превосходно на нём играть. Стрельба из лука, рисование, борьба, охота, рыбалка, дуэль на копьях, верховая езда, шатрандж, игра в мельницу... я в совершенстве обучаюсь всему, за что ни берусь. Вскоре никто не сможет победить меня в любой игре!

— Боже.

— Так я никогда не заведу друзей. Все смотрят на меня с завистью. Я хочу поладить со всеми, хочу, чтобы люди шли за мной, но что мне делать? Может, будет лучше, если я начну сдерживаться и делать вид, что плох во всём?

«Ого. Не будь он ребёнком, я бы отвесила ему знатный пинок под зад. И всё же Сэйбер никогда не сказал бы такого. Может, это значит, что он повзрослел... правда, у меня такое чувство, что он не так уж сильно изменился...» — раздражённо подумала Аяка, но затем вспомнила смесь зависти и страха в глазах взрослых мужчин и испытала к юному Ричарду лёгкое чувство сострадания.

«Что ж... Если люди всегда смотрели на него так, то неудивительно, что он стал немного странным».

Мать Ричарда, однако, разразилась хриплым смехом.

— Ты же обещала, что не будешь смеяться, матушка, — обиженно надулся Ричард,

— Нет, я сказала, что не стану «насмехаться». Да, я засмеялась, но я не собираюсь отмахиваться от твоих слов и чувств.

Затем, мягко погладив Ричарда по щеке, королева произнесла:

— Послушай, Ричард. Ты гений, и это правда.

«Она сказала это так уверенно...» — удивившись, подумала Аяка, но мать Ричарда, улыбаясь, сказала:

— Но на этом всё. В чём смысл быть гением?

— Что?..

— Ты просто способен делать что угодно. Но это не значит, что ты чего-то добился. Делать что-то и оставить наследие после себя — совершенно разные вещи.

Мать Ричарда утешала его как сына, но в то же время говорила с ним как с личностью, запечатлевая свои слова в его душе.

— Прежде чем по своей прихоти драться против бандитов и похвастаться этим, ты должен ощутить боль людей, которых эти бандиты заставили страдать, и найти способ преодолеть её вместе с ними. Почувствуй стыд за то, что бандитов, которых ты поразил, породило состояние твоего королевства. И я разделю этот стыд вместе с тобой.

Обняв сына, королева продолжила:

— Чтобы стать героем, мало быть гением, Ричард. Человек становится героем, когда отчётливо видит свой путь, даже если у него нет никаких талантов.

— Героем?

— Да. Героем вроде короля Артура и его рыцарей Круглого стола или Карла Великого и его паладинов. Вроде сэра Кея, который, как говорят, был наименее талантливым среди рыцарей короля Артура, но стал героем, который поддерживал Круглый стол, благодаря тому, кем он был. Тебе нужно узнать, как они создали эти земли и заложили основу для людских сердец. Если ты действительно думаешь, что способен на всё, Ричард, то тебе стоит ценить способность рассказывать истории превыше всего остального.

После этого она перешла к истории.

Истории о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

Мать Ричарда рассказывала о Ланселоте, Гавейне, Тристане, Галахаде, Персивале, Гарете, Агравейне — даже о предателе Мордред — так, словно видела их собственными глазами. Должно быть, она постепенно вошла во вкус, потому что начала добавлять сцены, которые показались Аяке чрезмерными даже для мифов. Когда она принялась бессвязно бормотать про

то, «как король Артур создал мир, отделив небеса от земли, как Артур узнал о зловещем плане короля Вортигерна обрушить луну на Лондон и бросил в неё Мерлина, чтобы отбить назад, как Ланселот, защищая озеро, сдерживал пять миллионов пиктов одной лишь соломинкой», Ричард уже был на грани того, чтобы мирно заснуть.

Когда даже перед глазами Аяки начало всё расплываться, мать Ричарда с добротой посмотрела на лицо сына, нежно погладила его по щеке и со смешком сказала:

— Разумеется, Вортигерн не ронял луну, я это выдумала... А теперь проснись.

— М-м-м... Матушка?.. А что потом стало с сэром Бедивером?..

— Доброе утро, мой дорогой Ричард. Это я расскажу в следующий раз.

Затем её тон слегка изменился.

— Но перед этим, Ричард, я буду вынуждена задать тебе трёпку.

— Что?

— Как твоя мать... я должна наказать тебя за то, что ты покинул замок без разрешения, чтобы сразиться с бандитами.

На её лице оставалась нежнейшая улыбка, но было очевидно, что на Ричарда вот-вот обрушится ужасающий гром материнского гнева.

Однако на этом сознание Аяки захлестнула тьма.

XX

— ...ка. Аяка, ты в порядке?

Аяка слышала уже привычный ей голос взрослого Сэйбера.

— Что?..

Очнувшись, она обнаружила себя в церкви.

Увидев перед собой Сэйбера и вспомнив, что случилось до того, как она погрузилась в сон, Аяка вскочила на ноги.

— Ты!.. Как твои раны?! С тобой всё хорошо?!

— Да. Я ещё не до конца восстановился, но уже могу двигаться. Всё-таки полдня уже прошло, даже больше. Правда, мне бы несладко пришлось, если бы атаки того золотого Арчера отравляли или поглощали духовную основу...

— Вот как... Слава богу...

Аяка облегчённо вздохнула.

Сэйбер на секунду отвёл взгляд, после чего собрался с духом и склонил голову.

— Прости прощения! Я позаимствовал у тебя очень много магической энергии, чтобы один из моих спутников использовал на мне магию исцеления. Наверное, поэтому ты так долго спала. Прости, — виновато произнёс он, но Аяка крепко сжала его руку и гневно сказала:

— Да плевать мне на это! Я не поэтому так зла на тебя!

— Что? А, ты про то, как я бахвалился, а потом продул? Да, это было...

— И не поэтому, идиот! Дело вовсе не в этом!

Напряжённые слова Аяки, обращённые к озадаченному Сэйберу, звучали скорее расстроено, нежели гневно.

— Ты... оставил меня в церкви, чтобы я получила там защиту после того, как ты умрёшь, не так ли?.. Ты сказал, что в Войне за Святой Грааль Наблюдатель защищает побеждённых Мастеров...

— Я подумал... Ну, подумал, что так для тебя будет лучше всего.

— Если у тебя есть время переживать за меня, то лучше начни думать о себе... Это не самобичевание, Сэйбер. Будь я королём или королевой, то сказала бы то же самое! Тебе нужно больше заботиться о себе! Чёрт, я столько всего хочу тебе сказать, но не могу подобрать правильных слов... И... эм-м... спасибо. Ты снова меня защитил...

Аяка поняла.

Вероятно, Сэйбер смог бы избежать атаки на крыше церкви, если бы захотел.

Но тогда церковь была бы разрушена, а Аяка, находившаяся внутри, скорее всего, погибла бы.

— Прости. Похоже, я снова стал причиной твоего беспокойства. Нужно было увести его куда-нибудь подальше от церкви, но я был уверен, что смогу победить ту Героическую душу, только если ударю быстро, практически неожиданно... Нет. Я проиграл, так что это всего лишь оправдание.

В голосе Сэйбера чувствовалась тревога. Вздыхнув, он поднял взгляд к потолку и произнёс:

— Та золотая Героическая душа тоже видела меня насквозь. Вероятно, я ещё не начал воспринимать эту войну всерьёз... Наверное, потому что так и не понял, что хочу всем сердцем попросить у Грааля.

Он пошутил, что хотел бы забрать с собой в Трон всевозможные песни и героические сказания, но это желание, похоже, можно было исполнить и без Грааля.

— Но если я искренне чего-то пожелаю... то тогда действительно втяну тебя в эту войну. А этого я не хочу.

— Я уже увязла в ней по самые уши. Всё-таки меня чуть не смело вместе со всей церковью и...
— начала Аяка, но вдруг кое-что осознала.

Сэйбер смотрел на потолок церкви.

Церкви, которая должна была быть разрушена в результате атак золотого Слуги, но почему-то теперь стояла целая и невредимая.

— Не может быть... Что происходит? Это та «магия», про которую ты говорил, Сэйбер?..

— Не хочу тебя разочаровывать, но если бы я был способен на такое, то восстановил бы театр, который я разрушил после своего призыва. Есть вещи, которые даже мне не под силу.

Аяка, которая наконец смогла возобладать над своими чувствами, вздохнула, услышав самоуничижительный тон Сэйбера. Она поправила очки и произнесла, чтобы скрыть своё смущение:

— Пусть ты и сказал... «Матушка, я могу делать что угодно»?

Услышав это, Сэйбер застыл.

— Ты видела?.. — с вымученной улыбкой спросил он. На его лбу появились капли холодного пота.

Ричард задрожал, понимая, что Аяка говорила о его «прошлом», которое она увидела благодаря связывавшей их магической энергии.

Аяка, несмотря на мысли о том, что ей не следовало упоминать про это, отвела взгляд, словно подтверждая его подозрения.

— Да... У тебя была очень красивая мама...

После этого Сйбер какое-то время пролежал на полу красный как рак.

— Ты по-прежнему думаешь, что способен на всё? — вскользь спросила Аяка, когда Сэйбер смог взять себя в руки.

Она не дразнила его, да и выглядела серьёзной, поэтому Сэйбер так же серьёзно ответил:

— Я уже не ребёнок. Впрочем, я уверен, что легко справлюсь с большинством вещей. Должно быть, так моя природа запечатлена в Троне.

— Наверное... Ты выглядишь так, будто можешь делать что угодно. Сомневаюсь, что ты в чём-то плох... кроме как в оценке настроения.

— Ты преувеличиваешь. Есть вещи, которые мне не давались при жизни. Сейчас я целиком состою из знаний Трона, но...

— Что тебе не давалось? — с интересом спросила Аяка. Ричард замешкался, после чего отвёл взгляд в сторону и ответил:

— Английский.

— Что?

— Я... владел французским, итальянским и персидским, — удручённо сказал Ричард. — Но несмотря на то, что я был королём Англии... с английским у меня всё было безнадежно плохо.

Аяка ошеломлённо уставилась на него... после чего, похоже, расслабившись впервые за всё это

время, расхохоталась.

— Нехорошо смеяться над чужими недостатками, Аяка.

— Прости. Просто... ты так уверенно говорил, что можешь делать «что угодно»...

Аяка ещё раз вздохнула и посмотрела на Сэйбера, вытирая слёзы за очками.

— Я рада, что ты жив, Сэйбер. Спасибо.

— Это чувство взаимно.

Сэйбер повысил голос, когда увидел улыбку Аяки, словно говоря, что этого было достаточно, чтобы его удовлетворить.

— Ладненько, перед тобой совершенно другой человек! Теперь, когда ты знаешь про моё позорное прошлое, мне нечего терять! В следующий раз я даже накостыляю тому золотому стилинге! Я защищу тебя, Аяка, что бы ты ни говорила! В конце концов, я человек, способный на что угодно!

Теперь Аяка понимала.

Это была не бравада, и он нисколько не упал духом.

Даже узрев столь огромную разницу в силе, даже оказавшись на грани гибели, Ричард был неустрашим.

Аяка с завистью смотрела на него, пока атмосферу не потревожили гости.

— Сэйбер и Аяка Садзё, верно?

Двери церкви отворились, и на пороге показалась группа полицейских.

Это были офицеры, которые сражались с другим Арчером на главной улице между церковью и больницей.

— О, вы целы? Вступить в бой с тем пугающим лучником и выжить – это тот ещё подвиг. Я впечатлён! — осыпал их Сэйбер неподдельной похвалой.

— Вы не могли бы присоединиться к нам? — спросила его полицейская, которая, судя по всему, их возглавляла.

— Копы!.. — пробормотала Аяка в напряжённой атмосфере.

Но Сэйбер лишь посмотрел на потолок, словно вспомнил что-то, и, пожав плечами, сказал:

— Если подумать, то мы с Аякой сбежавшие заключённые, разве нет?

Однако женщина тихо покачала головой и предложила Сэйберу сделку.

— Нет, сейчас мы не намерены обвинять вас в чём бы то ни было. Я бы хотела заключить временный союз.

— Союз? Против кого? Кажется, золотого Арчера спустили с небес на землю... Что с ним

стало? Или же мы будем сражаться против существа, чей странный рёв я услышал, прежде чем отключился?

Сэйбер ухватился за предложение, словно ребёнок. Полицейская же, оставаясь совершенно спокойной, бесстрастно огласила факты:

— Вероятно, мы изолированы в каком-то «мире», похожем на Зеркало души.

— Изолированы?

— Мы видели на улицах людей, но их разумами что-то завладело. Полицейский участок и городские офисы пустуют. Покинуть город можно, но после определённой черты дороги ведут обратно. У нас есть предположение, что пространство искажено, но мы не можем быть в этом уверены.

Она начала как ни в чём не бывало рассказывать всё, что они успели увидеть.

Рядом с полицейской, представившейся Верой, стоял офицер с безвольно болтавшейся сломанной искусственной рукой. Похоже, что церковь была полностью окружена.

— Мы искали Мастеров и Слуг, оказавшихся в этой же ситуации. Нам бы хотелось, чтобы вы присоединились к нашему союзу.

— Мире? Изолированы? О чём это она? — спросила сбитая с толку Аяка.

— Полагаю, это некое подобие Зеркала души, — объяснил Сэйбер. — Считай, фальшивый мир, созданный магом или монстром. Однако, судя по тому, что она сказала, у меня такое чувство, что это что-то немного другое... У вас есть план, как выбраться из этого «мира»?

Услышав вопрос Сэйбера, Вера на секунду опустила глаза, после чего произнесла:

— Мы полагаем, что нам необходимо...

— ...уничтожить ядро этого «мира», будь то маг или Героическая душа.